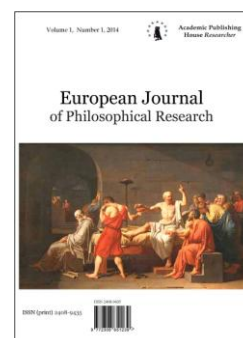

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 2, No. 2, pp. 102-112, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.2.102
www.ejournal17.com

UDC 1 (101)

National Identity Under Globalization Challenges

Yury D. Granin

Russian Academy of Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor
Leading researcher of Institute of Philosophy
E-mail: maily-granin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the socio-philosophical concept of the term "globalization", the variety of historical forms of implementation of the humanity globalization, the threats to the national identity of the population across the world in the XXI century. The last are instigated not only near contemporary intellectual currents, but also by the objective formation of the mass multicultural environment of existence, the extension of which is caused by the action of the institutions of neo-liberal global economy and the spread of information technology, linking humanity by the means of anonymous power systems. To resist the symbolic violence of mass culture "global consumer", by the author`s opinion, is capable the sensible public policy that combines tradition and modernity in the horizon of preservation of national identity.

Keywords: globalization; identity; modernization; modernism; postmodernism; symbolic violence.

Введение

История последних десятилетий, отмеченная клеймом финансово-экономической, политической и культурной глобализации человечества, поставила народы многих стран мира перед проблемой сохранения прежних и поиска новых идентичностей. Почти повсюду, отмечает Самюэль Хантингтон, люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет борьбу за национальную идентичность с Тайванем. В Сирии и в Бразилии также налицо «кризис идентичности» [15. С.34-35]. Такой же кризис, продолжает автор, испытывают Алжир, Германия, Турция, Мексика, Великобритания. В итоге, делает вывод Хантингтон, почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным» [Там же. С.36] из-за открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру.

Не оспаривая общего вывода об угрозах политического и культурного единства состоявшимся нациям, которые несет современная модернизация и глобализация, следует подчеркнуть: национальная идентичность, конечно, может утрачивать значимость, но вряд ли она способна, как полагает Хантингтон, дробиться на составляющие. В современной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми фундаментальными признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к «группе», содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос: «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»: политическими ландшафтами, информационными и культурными «пространствами», в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют. Поэтому главные угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия». Властно формирующего «новые» – транснациональные (культурные и политические) идентичности, и реанимирующего «старые» архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации, сочетания которых в индивидах и группах весьма причудливы, экзотичны и разнообразны. В той мере, в какой разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию – всемирно-исторический процесс, содержание которого требует концептуальных уточнений.

Результаты

Не смотря на то, что термин глобализация стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х годов, уже спустя десятилетие И. Бартелсоном был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. По существу, отмечал Д. Маршалл, каждый автор вкладывает в него свой собственный смысл [18. Р.214-215], содержание которого, добавим, варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности исследователя. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Сейчас в научном сообществе сосуществуют, конкурируя между собой, «универсально - эволюционистский», «синергетический», «мир-системный», «социокультурный», «социоэкономический», «техницистский», «модернистский», «геоэкономический» и ряд других междисциплинарных подходов к изучению глобализации, каждый из которых опирается на различные концептуализации сущностных характеристик и движущих сил истории человечества. [7.С.4]. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о глобализации, создавая барьеры «непонимания» между исследователями. Преодолеть их, по мнению автора, можно за счет выхода в трансдисциплинарную область исследований - сферу классической социальной философии, и, шире, философии истории. Интерпретирующих социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», а как процесс, реализующийся в социально и культурно оформленной совместной (предметно-практической и духовной)

целесолагающей деятельности сплоченных в группы и общества людей, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием.

Это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «общества» (социумы), «государства» и «цивилизации» объединения индивидов. Известная нам история – нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и, одновременно, становления его целостности и единства.

Следовательно, глобализация может быть интерпретирована как *мегатенденция* к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций исторически конкретных антропосоциальных (т.е. культурно, политически и экономически связанных) целостностей. В этом случае «глобализация» не редуцируется к ее географическому аспекту: отмечаемому многими исследователями пространственному распространению людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов посредством установления транспортных, торговых и иных коммуникаций. Она включает его, но понимается как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его предметно-практическая и духовная организация/реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов, сопровождавшаяся, не взирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений, установлением трансъисторических («всеобщих») экономических, политических и правовых норм и институтов совместной жизни. Формирование, трансформация и географическое распространение социальных общностей имманентно глобализации человечества, выражая субъектную составляющую этого процесса.

В качестве мегатенденции к поэтапному объединению человечества глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между интегрированными и интегрирующимися в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидами. Поэтому ее можно рассматривать и как совокупность процессов «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи. Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов. В длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала и как последовательность сменяющих друг друга стадий, и как совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм.

Стадиям глобализации как всемирно-исторического процесса соответствуют преобладающие в тот или иной период времени формы антропосоциальных целостностей, существование и доминирование которых, в первую очередь, обусловлено изменениями в способах и характере общественного производства материальных и духовных ценностей, уровня его технико-технологического развития. Поэтому «предысторию» глобализации можно датировать началом перехода от присваивающего к производящему хозяйству, начало ее первой стадии - Осевым временем, начало второй – ранним Новым временем, начало третьей – серединой 1970-х годов. Каждая из этих стадий характеризуется наличием однотипных, но содержательно не тождественных - финансово-экономических, военно-административных и социокультурных - процессов интеграции лингвистически,

конфессионально и культурно разных людей в новые, пространственно и численно более обширные социальные целостности и реорганизации внешней для них социальной среды (пространства) совместного с другими сосуществования. Различие стадий заключается в значимости и порядке действия каждого из выделенных в отдельный процесс механизмов социальной интеграции и трансформации пространства совместной жизни.

Реконструированная таким образом «историческая логика» развития глобализации человечества хорошо согласуется со всеми основными социологическими парадигмами и выстроенными в соответствии с ними периодизациями истории. Вместе с тем понятие «стадия» основывается на представлении о линейном характере процесса глобализации, действительность которого, как уже отмечалось, характеризуется нелинейным характером сосуществования и смены ее исторических форм. Источником образования которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории социумов, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропосоциальных целостностей в территориально и численно более обширные интегративные образования, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, внешнего (международного) и внутреннего (государственного) социального пространства совместной жизни народов на основе той или иной цивилизационной модели развития*. История человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. Соответственно и глобализация как одна из ее тенденций была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития.

Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя», оказывавшаяся на каждой из выделенных стадий глобализации мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций, содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов. Наиболее масштабной и успешной была выросшая из западноевропейской евро-атлантическая форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории: превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою

* В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации.

Становление и развитие евро-атлантической формы глобализации было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределы Европы в XVII–XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей: «национальных государств» и «наций» [8]. По сути эта историческая форма глобализации представляла собой «модернистский проект» – была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующих оптимальное – национальное – устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом.

Оформившийся в 1960-х в результате кризиса западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбе за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира, с другой, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евро-атлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на отказ от парадигмальных образцов естествознания, логоцентризм и равноправность дискурсов любого рода, а в культуре – на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию. Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодерн противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований – «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т.п. Тем самым в культурное пространство современного Запада возвратились, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вырос интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополым бракам» и «сексуальному насилию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евро-атлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории: ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» Центр (Запад) и «догоняющие» его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление «реориентализма», объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евро-атлантической современности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр»- и «транс»- современности. Позволяющее, будто бы, создавать не менее эффективные, чем евро-атлантические, «эпистемы» анализа, теоретические проекты и модели развития, ведущие, как считают, постепенно к созданию иной – нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам – глобализации.

В этой связи имеет смысл зафиксировать два наблюдения. Вряд ли кто усомнится, что в русле реориентализма/постмодернизма были достигнуты впечатляющие результаты. Парадигма «транс-субъектности» Глории Ансальдуа, феномен «межсекционности» (связанный с пересечением и слиянием в опыте небелых женщин расовой дискриминации с гендерной, классовой и сексуальной), проанализированный афроамериканкой Кимберли Креншоу, концепции «преодоления хюбриса нулевой точки» колумбийца С. Кастро-Гомеса

и «трансмодерности» Э. Дуссея, концепция «ситуативных знаний и идентичностей» Д. Харрауэй, методология «порабощенных» Челы Сандоваль и «игровая идентичность М. Лугонес, концепция «реляционной этики и идентичности» сапатистов и плюралистическая герменевтика В. Миньоло – появление этих концепций и их презентация далекому от гендерных и постколониальных исследований читателю, безусловно, расширили и обогатили пространство интеллектуального поиска.

Вместе с тем настораживает безоговорочное отторжение отечественными адептами постмодернистской философии и методологии модернистского дискурса. Они пишут о наличии в нем «европейских имперских категорий», которые, якобы, «современная эпистемология вышвырнула как ненужные», об отсутствии в нем «оригинальных мыслительных традиций, к которым можно было бы вернуться», призывают к размежеванию с риторикой модерности, к акту «эпистемологического неповиновения». «Без этого шага, – читаем в статье В.М. Тлостановой, - деколонизация сознания и бытия окажется невозможной, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным идеям модерности» [12. С.216]. Но вот если мы сделаем этот шаг, научившись «забывать все то, чему нас учили прежде, освободиться от мыслительных программ, навязанных нам образованием, культурой, средой, отмеченной имперским разумом», тогда, продолжает автор, изменится «география и биография разума и знания, возникнет транс-эпистемологическое взаимопроникновение и полилог», которые будут способствовать созданию транс-модерного мира, где «не будет господствовать идея агона как смертельного соревнования» [Там же. С. 216-217].

Неужели автор всерьез полагает, что неравенство, дискриминация и борьба в современном мире вызываются только наличием «мыслительных программ», отмеченных имперским разумом, отсутствием взаимопонимания и «полилога» между людьми, народами и государствами? Если так, это типично модернистское утверждение просветительского толка. А кроме того миллиарды людей на Земле живут, не подозревая о «пограничном гносисе, связанном с плюритопической герменевтикой». К кому же тогда обращены эти призывы? К философам? Но если бы вдруг во главе всех правительств стали, не дай Бог, философы, то и тогда полилог бы не состоялся в силу различия теоретических позиций и личных пристрастий. Но продолжим.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов, любопытно отметить, что последние тяготеют к идее «критического космополитизма», якобы преодолевающего «культурный империализм» современной (евро-атлантической) формы глобализации, историческими субъектами которой, как уже отмечалось, выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие ТНК. Поэтому в их работах «нации» и «национальные государства» объявляются устаревшими формами общежития. И в этой оценке с ними солидарны, объявляющие «нации» и «национализм» фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского «неоконструктивизма», неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, Зб. Бжезинский), многочисленные политологи и некоторые известные мыслители. Все вместе они доказывают, что национальная идентичность исчерпала свой исторический ресурс и выстраивают «безнациональные» политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А.Г.Дугин), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э.Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван), «общества множеств – рес-коммуны» (А. Негри, М.Хардт) или возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко).

В этом споре все точки над «I», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности, о которых шла речь, в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, связанные с формированием массовой мультикультурной среды существования, появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

От современной культурной мозаики рябит в глазах. Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кино и просто театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь как в слоеном пироге мы можем встретить причудливые смешения стилей и товаров из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда – вовсе не пространство свободы. При всём своём разнообразии, а, в общем-то, именно благодаря ему, она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночными стратегиями которых плюральность культурной среды вполне соответствует. В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют «экзотизацию» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создаёт обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путём коммерциализации мультикультуры и превращения её в товар» [6. С.185].

Однако рыночная социокультурная стратегия экзотизации часто пробуксовывает, вызывая раздражение тех, кто озабочен сохранением общенациональной идентичности. В США овладение иммигрантом американской культурой и включение в жизнь общества всегда означало овладение английским языком. В современной мультикультурной ситуации американские патриоты бьют тревогу по поводу засилья в Америке «низших» по своему развитию иммигрантских культур и нежелания иммигрантов овладеть английским языком. Но без этого у иммигрантов всё равно нет шансов продвинуться в американском обществе. Все технологии ориентированы исключительно на английский язык. Неадаптированные иммигранты могут, разумеется, включаться в этнокриминальные структуры, но вряд ли именно это было для них «американской мечтой». Ситуация глобального билингвизма, сложившаяся в условиях распространения западных информационных технологий, не нова. То же самое переживали этнические языки и диалекты в период формирования национальных государств. И здесь возможны разные стратегии поведения. Возможно, многим эффективной покажется японская: освоение экономических и политических стандартов жизни Запада на основе использования традиций, института семьи, национальных культуры и языка.

Чрезмерное мультикультуральное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную [1. С.178]. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление [4]. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идёт не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям [22]. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. По мнению К. Шварцмана, множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу [21. Р.176]. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба становится всё в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением

определённых культурным моделям ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растёт манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Социокультурная интеграция при воздействии государственных структур всегда сопровождала глобализационные процессы. Но сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству как политической форме евро-атлантической цивилизации. Формирование идентичности ускользают из его рук. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. А со стихийной перестройкой сознания совладать весьма сложно. Этнос эффективности, погони за успехом, престижем, трансформирует наличные идентичности, «сегрегирует» их по выражению З. Баумана [2. С.101]. Эталон здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идёт как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству [9. С.77].

Каковы перспективы этого противостояния? Нивелляторский потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик. Присущие этой идентичности меркантильность, стандартизация и общекультурная ограниченность не создают необходимого поля притяжения, которым в своё время обладали общенациональные идентичности национальных государств по отношению к этнолокальным идентичностям. Имперская мифология США, которые мифологизируют и свою реальную историю, но ещё более конструируют истории вымышленные – интегратор низкого потенциала в силу своей примитивности. А главное – вторичности: Голливуд с назойливостью творит имперский миф из заимствованных культурных образцов [20. Р.141; 11]. Для истинной империи, даже для национального государства, воздействующего на окраины, это не характерно. Они всегда были оригинальны в социокультурном отношении – это залог успеха. Отсутствием оригинальности объясняются такие черты голливудской мифологии, как агрессивность и перемещение событий в некую сверхреальность.

В этих условиях национальные культуры, по прежнему, остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности» [5. С.18]. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры стала, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Национальным государствам, если они ответственно подходят к вопросам идентичности, необходимо осуществлять контроль за информационными потоками. В каком-то смысле этот контроль является защитой демократии. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач [22]. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере, в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Перспективы социокультурного развития в условиях глобализации зависят от того, готова ли евро-атлантическая цивилизация к реальному межкультурному диалогу. Такой диалог в глобализующемся мире становится императивной необходимостью. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение [13]. Рыночные формы общезнания далеко не всегда способствуют продуктивному диалогу культур. В этих условиях нация-государство выполняет гуманистическую функцию сохранения социокультурной исторической памяти, и

социального пространства, где эта память «обитает» и воспроизводится в новых поколениях. Противоречивой формой взаимодействия национального и наднационального является формирование «европейской идентичности» в ходе реализации проекта единой Европы. Пока в целом это позитивный пример подобного взаимодействия.

Более глобальные формы идентичности пока что проблематичны. Хотя в литературе активно обсуждается идущая ещё от Канта идея «глобального гражданства». Особенно активно эту идею сегодня обосновывает Ю. Хабермас, исходя из своего, гражданско-правового, понимания нации [14]. М. Эван считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН [17]. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает М.В. Ильин, утверждая, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Но, думаю, в обозримой перспективе появление «глобального гражданства» утопично. Реальная перспектива глобализации должна быть связана скорее со сложным взаимодействием наднационального, национального и локального уровней. Любая попытка реализации принципа глобального гражданства может привести к непредсказуемым последствиям. По мнению Р. Харви, многие существующие национальные государства это псевдоимперии. В том же смысле высказывается и Б. Нитшман, указывающий, что «большинство государств представляют собой не что иное, как непрочные, централизованные и экспансионистские империи, навязанные национальностям вопреки их воле и сохраняющие целостность лишь благодаря законам, силе и патриотическим символам» [19. Р.238].

Сегодня в условиях отсутствия блокового контроля многие этносы стремятся к независимости. История учит, что это обратимый процесс. И его приостановка предохранит от многих социальных издержек. Провоцировать на сепаратизм с помощью призрака глобального гражданства в условиях нестабильного мира крайне нежелательно. Если не все национальные государства перешли из состояния формального в реальное, то предпочтительнее предоставить им время и возможность для этого. Можно, конечно, пытаться «вырваться из западни национального», как это предлагает, например, У. Бек, и «преодолевать националистический фанатизм», создавать «сутобо конституционным, правовым путём» «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры». Но вряд ли «обретение национальными государствами космополитического характера» станет «ответом на вызовы глобализации» [3. С.56]. «Сутобо правовой» подход к проблеме не учитывает общей логики глобализационного процесса: перехода от политической к социокультурной интеграции человечества, способной реализоваться лишь во взаимном диалоге культур и цивилизаций. Но перспективы и формы такого диалога еще не ясны.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, хорошо сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, - «это, безусловно, идея национального успеха – не марксизма-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении» [10. С.38].

Выводы

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро – атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополненности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой

«кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества – общества с размытой национальной идентичностью – оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу – это то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с «голыми руками» и в своей деконструированной незащитной «телесности» (А.С. Панарин). Шансы такого символически разоблаченного общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

Примечания:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
3. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004, № 7.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
5. Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004.
6. Глобализация и мультикультурализм. М., 2005.
7. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008, №2.
8. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. М., 2014.
9. Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003. С.60-83.
10. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008, №2.
11. Пономарёва Д. Киноимперскость // Политический журнал. 2005. № 24.
12. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М., 2010. С.191-217.
13. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
14. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб, 2001.
15. Хантингтон Самюэль. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
16. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон ДЖ. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004.
17. Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y.; L., 1997. Vol. 50. N. 8.
18. Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31, N 2.
19. Neitschmann B. The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994.
20. Sardar Z., Davis M. Why Do People Hate America? Cambridge, 2002.
21. Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. Palo Alto, 1998. Vol. 24.
22. Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. N. 1.

References:

1. Bauman S. The individualized society. M., 2002.
2. Bauman S. Globalization: consequences for the person and society. M, 2004.
3. Beck U. Transformation of policy and the state during a globalization era // Free thought. 2004, №. 7.
4. Bodriyar Zh. Consumer society. M, 2006.

5. Galkin A.A. The national state in the changed conditions // Transnational processes: XXI century. M, 2004.
6. Globalization and multiculturalism. M, 2005.
7. Granin Yu.D. "Globalization" or "westernisation"? // Problems of Philosophy. 2008, № 2.
8. Granin Yu.D. The national state in the globalized world. Social and philosophical analysis. M., 2014.
9. Zhuravsky A.V., Gardens O.B., Fetisov A.V. Subjects of a world order of the XXI century // Globalization and collision of identichnost. M, 2003. Page 60-83.
10. Karmadonov O. A. Effekt of absence: cultural and civilization specifics // Problems of Philosophy. 2008, № 2.
11. Ponomaryova D. Kinoimperskost // Political magazine. 2005. № 24.
12. Tlostanova M. V. Chelovek in the modern world: problems of multiple identity // Questions of the social theory. Scientific almanac. 2010. Volume IV. The person in search of identity. M.2010. Page 191-217.
13. Habermas Yu. Political works. M, 2005.
14. Habermas Yu. Involvement of Another. Sketches of the political theory. SPb, 2001.
15. Huntington Samyuel. Who are we? Calls of the American national identity. M, 2004.
16. Held D., Goldblatt D., to Makgr E., Perraton J. Global transformations. Policy, economy and culture. M, 2004.
17. Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. N.Y.; L., 1997. Vol. 50. N. 8.
18. Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. L., 1996. Vol. 31, N 2.
19. Neitschmann B. The fourth world: Nations versus states // Reordering the world: Geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994.
20. Sardar Z., Davis M. Why Do People Hate America? Cambridge, 2002.
21. Schwartzman K.C. Globalization and democracy // Annual revue of sociology. Palo Alto, 1998. Vol. 24.
22. Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. N. 1.

УДК 1(101)

Национальная идентичность перед вызовами глобализации

Юрий Дмитриевич Гранин

Институт философии РАН, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
E-mail: maily-granin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества, угрозы национальной идентичности населения многих государств мира в XXI веке. Последние инспирируются не только рядом современных интеллектуальных течений, но и объективным формированием массовой мультикультурной среды существования, расширение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Противостоять символическому насилию масскультуры «глобального потребителя», полагает автор, способна продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: глобализация; идентичность; модернизация; модернизм; постмодернизм; символическое насилие.